

ПРЕДЫСТОРИЯ УБИЙСТВА: НАВАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ



КИРИЛЛ РОГОВ

Директор проекта Re: Russia

Алексей Навальный был центральной фигурой противостояния российского общества путинскому авторитаризму, заряжавшей героикой личного бесстрашия десятки тысяч людей и создавший этику нового сопротивления. Более десяти лет он оставался творцом и координатором политики протеста в России. Данная статья не является попыткой политической биографии Алексея Навального, но призвана объяснить его роль в российской истории последних пятнадцати лет, природу его популярности, а также причины покушения на него в 2020 году, его последующего возвращения в Россию и связанную с этим драму.

В то же время политическая биография Алексея Навального ни в коем случае не является лишь производным его героической личности. Феномен Навального складывается прежде всего из той совокупности ожиданий и устремлений, которые он сфокусировал в себе и добровольным заложником и символом которых он стал. Эти ожидания в свою очередь опираются на социальный капитал части постсоветских поколений российских граждан. Тот капитал, который развязанная Путиным против Украины война имеет своей целью подорвать и уничтожить, превратив Россию в заповедник консерватизма и милитаристского мракобесия.

История политики протеста — центральной фигурой и идеологом которой в России стал Алексей Навальный — знает немало примеров противостояний, продолжавшихся десятилетиями, то затухая (после волны репрессий), то разгораясь вновь. Достаточно вспомнить противостояние рабочего и студенческого движения коммунистическому режиму в Польше (1970–1990) или в чем-то даже более актуальное для современного российского контекста противостояние демократического студенчества и военно-персоналистского режима в Южной Корее с начала 1970-х годов до начала 1990-х, завершившееся мирным транзитом и становлением достаточно устойчивой демократии. Впрочем, эти исторические аналогии являются, как все аналогии, не инструментом прогноза, но лишь указанием на спектр возможных сценариев. И в наиболее оптимистическом из этих сценариев мы когда-нибудь скажем, что первую половину этого пути противостояния российское общество прошло во многом благодаря Навальному.

ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА: ИЗ ЖЖ НА ПЛОЩАДЬ

Политическая звезда Алексея Навального возшла в ходе массовых протестов конца 2011 — 2012 года, открывших новый период российской политической истории после эпохи аполитичности 2000-х. Навальный оставался центральной политической фигурой этого периода, продолжавшегося вплоть до полномасштабного вторжения в Украину.

Знаменитый историк и социолог Чарльз Тилли и его соавторы предложили рассматривать протесты и протестные движения как особую сферу политики — *contentious politics*, что можно перевести как «протестная политика», «политика оспаривания» или «политика противостояния» (→ [Чарльз Тилли et al.: Dynamics of Contention; Contentious politics](#); встречающийся перевод термина как «сопоставительная политика» представляется неудачным). Сюда относятся различного рода демонстрации, петиционные кампании, забастовки и прочие способы коллективного политического действия, которые не являются частью традиционной партийно-электоральной политики и посредством которых граждане напрямую заявляют о своих интересах и требованиях. В демократиях они становятся способом давления на политиков и политические партии, чтобы скорректировать их повестки, в автократиях — альтернативой партийно-электоральной политике, которая там отсутствует или носит фиктивный характер.

В каждом эпизоде протестной политики присутствуют три стороны: группы граждан, оспаривающие те или иные правила и порядки, правительство, защищающее статус-кво, и публика, которую те и другие стремятся склонить на свою сторону. У каждой стороны есть свой репертуар возможностей, и в целом «политика оспаривания» представляет собой серию взаимодействий сторон, которые приводят к тем или иным исходам. В конечном итоге задача этого противостояния — изменить представления «публики», ее взгляд на проблему — и таким образом изменить баланс

сил. Протестная политика в норме бывает ненасильственной, но может включать и насильственные действия. Источником насилия, впрочем, могут выступать как «несогласные», так и правительство, которое стремится представить «публике» (третьей стороне) свои насильственные действия против несогласных как законные и легитимные.

Протестная политика стала важным фактором в последние годы существования Советского Союза и в первые годы новой России (до конца 1993-го). Затем надолго ушла на периферию политического процесса и начала медленно возрождаться в конце 2000-х, по мере укрепления путинской автократии. Но вновь по-настоящему вышла на арену и стала важнейшим фактором политического процесса в 2010-е годы.

Согласно весьма распространенному мнению, эпизоды протестной мобилизации в России 2010-х не создавали критической угрозы режиму. Но это суждение является принципиально неточным. В большом числе случаев успешные революции развивались по схожему сценарию: режим выглядит для большинства наблюдателей и даже для самих протестующих вполне стабильным, а протесты в своей начальной фазе — незначительными и немногочисленными. Однако затем власти теряют контроль над происходящим, а массовость протестов нарастает как снежный ком. Такая динамика наблюдалась в некоторых антикоммунистических революциях конца 1980-х годов, во многих «цветных» революциях 2000–2010-х и, наконец, в событиях «арабской весны» в 2010–2011 годах. Поэтому изначальные предположения о стабильности режима и потенциале протеста на деле не являются гарантией успешного для властей исхода. Именно с высоты такого понимания подходили к протестам российские власти (внимательно изучавшие опыт «цветных» революций и «арабской весны»), а потому эпизоды протестной мобилизации оказывали на самом деле значительное влияние на логику эволюции самого режима, реагиовавшего на них как на значимую угрозу.

Российское массовое протестное движение 2010-х годов включало в себя несколько волн и по большей части было связано с фигурой Навального. Первая такая волна стала реакцией на фальсификации результатов думских выборов 2011 года. На пиках эта волна собирала протестные митинги и шествия с числом участников порядка 120–150 тыс. человек по всей России и представляла собой серию акций, проходивших с 5 декабря 2011 года по сентябрь 2012 года, не менее десяти из которых имели численность более 15 тыс. человек (→ [Кирилл Рогов, Абы Шукюров: Протесты 2021 года](#); оценки численности упомянутых здесь и ниже акций основываются на анализе сообщений СМИ и мониторинговых проектов, сделанном в этом обзоре). Именно эта волна протестов вывела Алексея Навального в лидеры российской оппозиции. На политическую сцену он явился как политик принципиально нового поколения, снискавший первоначальную популярность своим блогом в «Живом журнале». Тогда же впервые Навальный выступил инициатором стратегии тактического голосования (не за того, кто тебе нравится, а за соперников того, кто тебе не нравится). Сначала он выдвинул лозунг «Голосуй за любую партию, кроме „Единой России“», а затем «разогрел» возмущение голосовавших многочисленными свидетельствами фальсификаций результатов их тактического выбора.

Протесты 2011–2012 годов стали несостоявшейся «цветной» революцией в России. И сменились ответным наступлением режима. Причем главным инструментом этого наступления стало даже не столько усиление репрессивного давления со стороны властей в 2012–2013 годах, сколько встречная провластная мобилизация, связанная с «возвращением» Крыма. Это событие позволило Кремлю мобилизовать «обывательский нейтралитет» и восстановить впечатление стоящего за ним абсолютного большинства поддержки, подорванное, казалось бы, протестами 2011–2012 годов.

ВРЕМЯ НАВАЛЬНОГО: ЭПОХА «ШКОЛОТЫ» И «ВЫХОД ЗА САДОВОЕ КОЛЬЦО»

Новым этапом в истории протестного движения стала уже собственно «навальновская» волна 2017–2019 годов. Эта волна отличалась от предыдущей и по характеру своей повестки, и по методам рекрутирования протестного ядра, и по социально-демографическому составу протестующих. И, наконец — но совсем не в последнюю очередь, — тем, что практически все ее акции вызывали жесткое противодействие полиции.

Первая акция «Он вам не Димон» состоялась 26 марта 2017 года и была приурочена к выходу фильма-расследования Навального под тем же названием, обвинившего в коррупции тогдашнего премьер-министра и бывшего президента Дмитрия Медведева. Фильм обрел вирусную популярность, за несколько суток набрав 5 млн просмотров на YouTube и еще 1,4 млн в сети «Одноклассники»; по данным «Левада-центра», к началу апреля фильм смотрели 7% опрошенных. Навальный призвал сторонников выйти на акции протеста с требованием расследовать изложенные в фильме факты, в результате акции прошли почти в сотне городов и собрали около 50 тыс. участников.

Само по себе это было совершенно новое явление — протестная акция по следам коррупционного расследования, облеченного в форму публицистического фильма, который был размещен на YouTube. И эта форма предопределила кардинальное изменение аудитории и протестного ядра кампании Навального. Следующая акция «Димоновой» серии состоялась 12 июня и собрала еще больше людей — от 50 до 98 тыс. в 154 городах, [по данным «Медузы» и ОВД-Инфо](#). Опрос 125 участников акции в Москве показал, что более половины из них были моложе 25 лет и более 60% не участвовали в протестных акциях до марта 2017 года (→ [Кирилл Рогов: Дело Навального](#)).

Эти акции стали своего рода прелюдией «президентской кампании» Навального, целью которой было добиться его регистрации кандидатом на президентских выборах в качестве соперника Путина. Таким образом, Навальный опробовал новую стратегию «электоральных протестов», в фокусе которых были не фальсификации итогов выборов, как раньше, а борьба за допуск на них оппозиционного кандидата. Этот тематический поворот проявил себя в сюжете следующего массового протеста, приуроченного к 65-летию Путина (7 октября 2017 года), основным тре-

бованием которого была регистрация Навального в качестве кандидата в президенты. Акция собрала от 10 до 15 тыс. человек.

Действительно, в зрелых авторитарных режимах значимые альтернативные политики и партии, как правило, до выборов не допускаются и у оппозиции нет возможности призвать избирателей «защитить свой выбор». В этой ситуации возможными сценариями становятся либо тактическое протестное голосование, как в 2011 году, либо организация протестной кампании вокруг требования допустить оппозиционных политиков к выборам. Такую тактику Навальный опробовал в своей «президентской кампании», такая же стратегия была использована оппозицией на выборах в Мосгордуму летом 2019 года.

Вообще, традиционными триггерами протестной мобилизации в поллауторитарных и авторитарных странах являются: 1) электоральные манипуляции властей («революция роз» в Грузии в 2003 году, «оранжевая революция» в Украине в 2004-м, протесты в России в 2011–2012-м), 2) «символическая несправедливость» и 3) чрезмерное насилие правоохранителей по отношению к протестующим и представителям оппозиции. В качестве «символической несправедливости» могут выступать вскрывшиеся факты коррупции (протесты по мотивам фильма «Он вам не Димон»), «частный эпизод» несправедливости, вызывающий волну сочувствия и возмущения (случай торговца Мохаммеда Буазизи, давший старт революции в Тунисе и «арабской весне»), насильственное вторжение в «частную» среду обитания граждан (уничтожение городских скверов в Стамбуле в 2013 году и в Екатеринбурге в 2019-м) либо «обман ожиданий / отмена обещаний» (протесты в Украине в связи с отказом Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС в 2013 году; армянская революция 2018 года, поводом к которой стал отказ президента Сержа Саргсяна от обещания не занимать премьерское кресло после конституционной реформы). Однако серьезным вызовом для режима является не одиночный протест сам по себе, а реакция на него общества. Развилка состоит в том, запускает ли первый выход недовольных на улицы и оказанное им противодействие полиции протестную волну, в ходе которой протестующие продолжают настаивать на своих требованиях, а их численность возрастает?

События могут развиваться по трем основным сценариям. Первый: число людей, вышедших на улицы по одному из перечисленных поводов, оказывается гораздо бóльшим, чем ожидалось. Это производит мобилизационный эффект: многие люди, латентно сочувствующие целям протеста, но считающие себя меньшинством, переоценивают собственные представления о числе своих сторонников и выходят из «зоны комфорта», присоединяясь к протесту. По такому сценарию отчасти развивались события в России в декабре 2011 года после неожиданно многолюдной акции 5 декабря на Чистых прудах. Если людей оказалось не больше, чем ожидалось, то с высокой вероятностью это ведет к затуханию протеста. Однако даже если людей в первой итерации вышло немного (третий сценарий), но они не уходят с улиц и в результате испытывают на себе жестокость полиции, картины этой жестокости могут вызвать волну сочувствия, под влиянием которой люди выходят из «зоны комфорта» и присоединяются к протесту, численность которого может нарастать

как снежный ком. Иными словами, третья причина протестов — возмущение жестокостью полиции и требование освободить заключенных — становится триггером вторичной мобилизации в поддержку протеста, который мог иметь сначала достаточно локальный повод и незначительный размер. Такой сценарий со многими отличиями и вариациями наблюдался в Стамбуле в ходе протестов в защиту парка Гези, в Киеве в 2013–2014 годах и в Беларуси в 2020-м.

После отказа в регистрации на президентских выборах Навальный провел акцию «Забастовка избирателей» (28 января 2018 года), которая была не слишком многочисленной (около 10 тыс. участников), а затем, уже после оглашения ЦИКом официальных результатов президентских выборов, но до инаугурации Путина, — акцию «Он нам не царь» (5 мая 2018 года), еще менее многочисленную. Таким образом, мобилизационный потенциал новой проблематики протеста (недопуск оппозиции на выборы, требование альтернативности выборов и сменяемости власти) оказался в целом гораздо ниже, чем эффект антикоррупционного «Недимиона». В то же время эти протесты, проходившие в условиях жесткого преследования полиции, продемонстрировали гораздо более высокую резистентность: ядро протестующих использовало «тактику воды», перемещаясь по городу, и, преследуемое полицией, не уходило с улиц до позднего вечера. Однако, несмотря на более высокую резистентность, эти акции не запускали вторичную волну протестов, связанную с возмущением населения действиями полиции.

Возможность такого сценария отчасти обозначилась летом 2019 года, когда поводом для массовых протестов стал отказ в регистрации оппозиционных политиков на выборах в Московскую городскую думу. Жесткое уличное противостояние 27 июля и 3 августа продемонстрировало, что полиция не может справиться с протестующими, если их достаточно много и они перемещаются по центру города. Многочисленные видео, демонстрировавшие жестокость полиции, стали причиной волны сочувствия к протестующим — это показывали социологические опросы и динамика активности в соцсетях. Осознав это, власти даже пошли на частичные уступки, допустив проведение одной «разрешенной» акции (10 августа), в разгар отпускного сезона собравшей, по оценкам «Белого счетчика», около 60 тыс. человек, и не противодействовали проведению еще одной «неразрешенной» акции (31 августа). Власти стремились «выпустить пар» накануне начала рабочего и учебного года.

Таким образом, во второй половине 2010-х годов Навальный приступил к организации нового политического движения, используя при этом несколько ключевых и новых в российской политике на тот момент инструментов. Во-первых, это яркие публицистические антикоррупционные расследования, обращенные своей стилистикой преимущественно к молодежи, которые радиировали его известность далеко за пределы традиционных слоев «демократического сообщества». Во-вторых, организация неразрешенных протестных акций, ядром которых становится совсем молодой актив («школота Навального»), стремящийся не разбежаться перед лицом полицейского давления и тем вынуждающий полицию на большую жестокость. И в-третьих, развертывание в ходе

своей самостийной «предвыборной» кампании сети региональных штабов, преимущественно в региональных столицах. Последнее не только создавало основу протопартии Навального, но и способствовало кристаллизации прослойки и культуры политического поведения «продвинутых горожан» за пределами российских столиц и, в конечном итоге, формированию «навальновского поколения» в российской политике.

В то же время следует отметить, что протестные кампании «навальновской» волны 2017–2019 годов не достигали размаха протестного движения 2011–2012-го, проходили в условиях нарастающего репрессивного давления, но при этом не запускали вторичную волну мобилизации. До некоторой степени эти акции и сам Навальный оставались на этом этапе для России в целом явлением некоторого молодежного гетто, что определяло его отрезанность не только от старших возрастов, но и от внимания элит.

ПРОБИТЬ БРОНЮ ЭКРАНА: БЛОГЕР ПРОТИВ ТЕЛЕВИЗОРА

Новая протестная культура и формирование «навальновского» политического поколения стали результатом политической интуиции и креативности Навального, позволивших ему опереться на технические возможности новой эпохи. «Навальновская» протестная волна разворачивалась на фоне быстро меняющейся структуры медиапотребления и социальных практик. По сути дела, она совпала и в значительной мере «питалась» массовым вовлечением российских граждан, прежде всего молодежи, в мир социальных сетей. Как видно на рисунке 1, доля телевизора в структуре источников информации населения сократилась с 42% в 2013–2015 годах до 35% в 2020–2021-м, а доля всех традиционных источников информации (телевидение + радио, газеты и журналы) — с 70 до 45%. В то же время доля интернет-источников (сайты + соцсети) выросла с 18 до 45%, причем доля социальных сетей — с 7 до 25%. В то же время кремлевская политика информационного контроля, сформированная в предыдущую эпоху, была сфокусирована преимущественно на традиционных медиа. В результате почти уничтоженное в традиционных медиа пространство неподцензурности быстро восстанавливалось в новых интернет-изданиях и социальных сетях.

Рисунок 1. Структура источников информации в России, 2013–2021, % от числа опрошенных

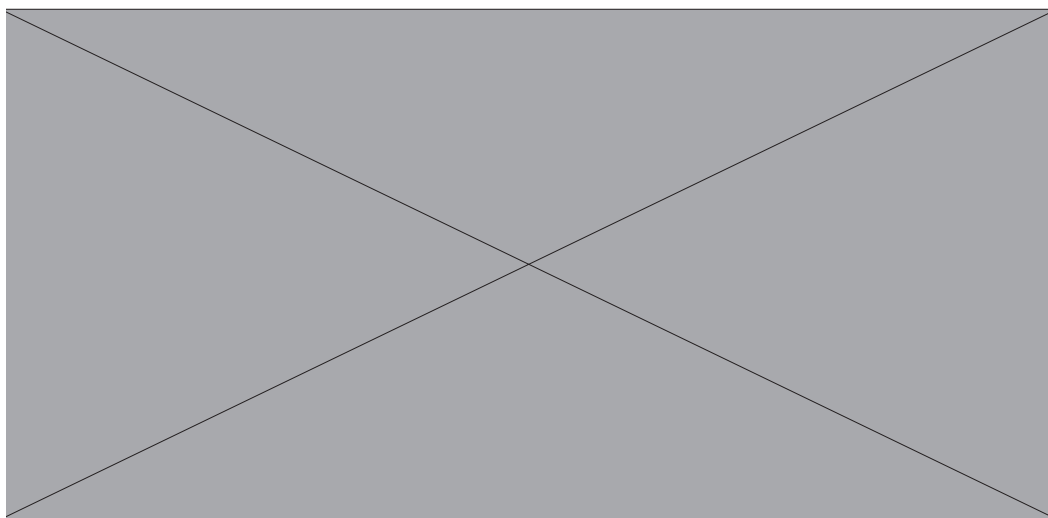


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

При этом структура медиапотребления стала сильно различаться по возрастным группам. В 2021 году традиционные медиа (телевидение, радио, газеты и журналы) уже составляли менее трети в структуре источников информации молодых возрастов (до 40 лет) и две трети — у старших возрастов (55+). А соцсети являлись самым значимым источником информации для молодых (34–42%), в полтора–два раза превосходящим по своему весу телевизор. Еще в 2015 году возрастная дифференциация в структуре источников информации не носила столь драматического характера: традиционные СМИ составляли 75% потребления старших возрастов и 50% — младших, в 2021-м разница стала почти троекратной — 65 и 23% соответственно.

Рисунок 2. Структура источников информации по возрастным группам, 2021, % от числа опрошенных

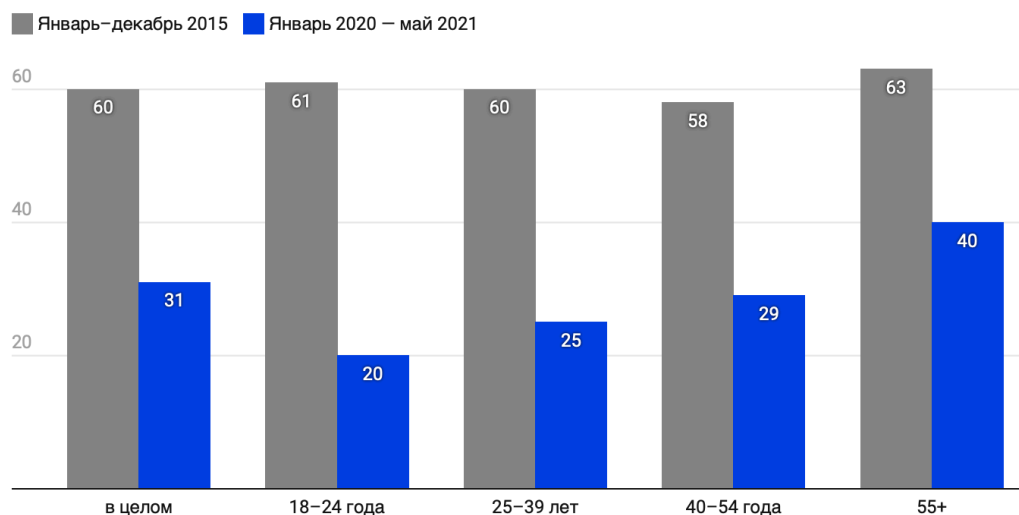


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

В результате уровень вовлеченности тех или иных групп в социальные сети стал определяющим фактором их «картины реальности», задавая все более заметное различие политических ориентаций младших (до 40 лет) и старших (после 55 лет) контингентов (→ [Кирилл Рогов: Люди соцсетей и дети телевизора](#)). В итоге молодежь, которая, по оценкам экспертов, в начале 2010-х годов была настроена даже более пропутински, чем средние возрасты, к концу 2010-х становится наиболее антипутинским отрядом российских граждан. Общий уровень доверия к Путину как политику упал с 2015 по 2021 год в два раза, при этом в младших возрастах (18–39 лет) падение оказалось почти троекратным, в то время как в старших доверие сократилось лишь в полтора раза.

Рисунок 3. Доверие к Владимиру Путину в 2015 и 2020–2021 годах, % от числа опрошенных

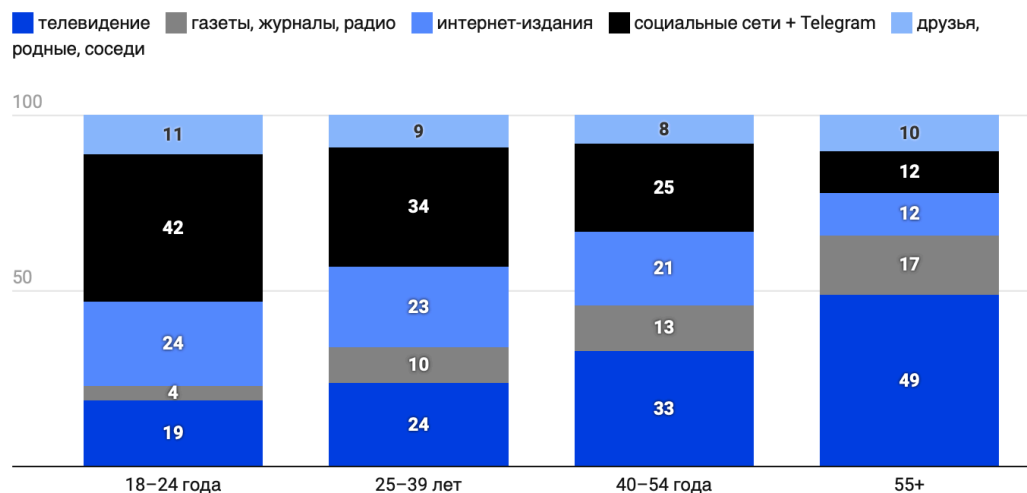


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Этот эффект проявил себя и в отношении к протестам. В ходе протестов «школоты» в 2017 году 40% опрошенных считали жесткие действия полиции против протестующих вполне оправданными и лишь 30% придерживались противоположной точки зрения; причем эта картина почти не различалась в разных возрастных группах (таблица 1). Поэтому, несмотря на резистентность (готовность к сопротивлению) нового протеста, эти акции не могли стать триггером вторичной волны сочувствия к протестующим. В 2019 году ситуация изменилась: 30% оправдывали полицию против 40% возмущенных ее действиями; при этом в старшей возрастной группе изменений по сравнению с 2017 годом не наблюдалось, а в более молодых — и чем моложе, тем сильнее — сочувствие к протестующим резко возросло. И это также непосредственно связано с различиями в структуре источников информации, из которых опрошенные узнавали об акциях: в традиционных медиа доминировал официальный нарратив, в соцсетях — фото и видео, изобличавшие жестокость полиции.

Таблица 1. Отношение к действиям полиции в ходе неразрешенных акций 2017–2019 годов, % от числа опрошенных

	Всего	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55+
Силловые структуры действовали 12 июня [2017 года] адекватно или превышали свои полномочия?					
Адекватно, в рамках полномочий	40	36	38	45	40
Превышали, необоснованно использовали силу	27	26	27	24	28
На акциях протеста в Москве [в июле 2019 года] задержаны более 1000 людей. Как действовали полиция, ОМОН и Росгвардия?					
Адекватно, в рамках полномочий	32	25	27	31	38
Жестко, необоснованно использовали силу	41	58	47	43	31
Откуда вы узнали о московских протестах [июля 2019 года]? (% от числа тех, кто следил или что-то слышал)					
Крупные телеканалы	37	17	27	35	50
Социальные сети, YouTube-каналы, видеоблоги	23	40	37	23	9
Новостные интернет-сайты	19	31	23	23	10

Таблица: Re: Russia Источник: Левада-центр (июнь, август 2017 года, июль 2019 года)

При этом ключевым событием второй половины 2010-х годов становятся стремительный рост мобильного широкополосного интернета и — соответственно — российского сегмента YouTube (→ [Сергей Гурьев: Эра 3G](#)). Именно YouTube в значительной мере вступает в конкуренцию с телевизором, похищая его ключевое преимущество «живой картинки», которое позволяет резко расширить доступность альтернативного общественно-политического контента.

Эти обстоятельства дают в руки Навальному новый инструмент, в очередной раз меняющий его статус в российской политике. Он становится первым российским политиком — YouTube-блогером. Мощный рывок в этом качестве Навальный совершает еще весной 2017 года, как раз после выхода «Димона»: в результате к началу лета у его YouTube-канала уже есть миллион подписчиков (см. рисунок 4). К лету 2018 года у Навального 2 млн подписчиков, в конце 2019-го — 3 млн, а в начале лета 2020-го — более 3,5 млн. Эта интернет-аудитория вполне сравнима с аудиторией новостной программы центрального федерального телеканала. Разумеется, совокупный охват телевидения, время просмотров и прочие параметры несопоставимы, но наличие аудитории в несколько миллионов человек и расширение инфраструктуры вещания за счет второго канала «Навальный LIVE» превращают блогера Навального в настоящее федеральное медиа. Благодаря чему в этой фазе ему удается преодолеть границы «молодежного гетто» 2017–2018 годов.

Рисунок 4. Динамика прироста подписчиков YouTube-каналов «Алексей Навальный» и «Навальный LIVE», 2017–2021, тыс. человек

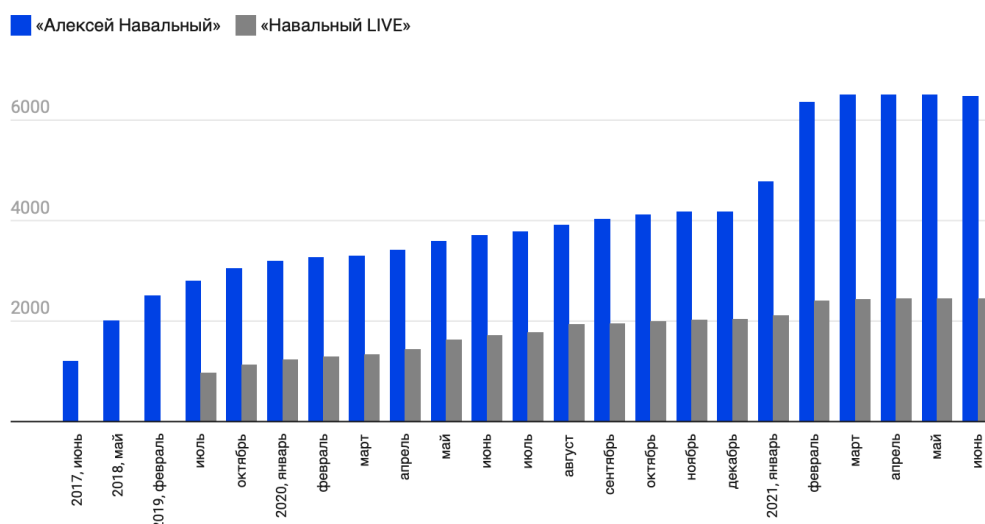


График: Re: Russia Источник: Social Blade

Ключевую роль в приросте аудитории играли фильмы-расследования (см. таблицу 2), которые собирали аудиторию от 5 до 15 млн человек и «подсаживали» на Навального новые и новые контингенты. В то же время в качестве YouTube-блогера Навальный культивирует новый политический стиль, который захватывает современную аудиторию (теперь уже до 40 лет) необычным соединением пафоса и ироничности, в том числе самоиронии, преодолевающим культуру аполитичности и цинизма, сформировавшуюся в 2000-е годы, и в то же время чуждым трагической пафосности диссидентской культуры.

Таблица 2. Самые популярные фильмы и ролики Навального, млн просмотров

1	2019, 11 ноября	Тайная жизнь иностранного агента	9,4
2	2019, 12 декабря	Яхта. Самолет. Девушка	12,8
3	2019, 26 декабря	Расследование, за которым пришел спецназ	5
4	2020, 10 марта	Паразиты	12,6
5	2020, 24 марта	Крымский мост. Украдено с любовью	6,7
6	2020, 10 апреля	Таинственный остров Медведева	5,2
7	2020, 29 апреля	Золотой дворец вашего любимого доктора	15
8	2020, 1 июля	Итоги «голосования». Что делать дальше	13,3
9	2020, 23 июля	Хабаровск. Секретные терема того, кто посадил Фургала	9
10	2020, 30 июля	Что Дегтярев скрывал от Хабаровска	5,8
11	2020, 31 августа	Кто захватил столицу Сибири и как ее освободить	7,3
12	2020, 3 сентября	Томск в плену у депутатской мафии	6,2
13	2020, 9 сентября	Взятки. Дворцы. Самолеты. За что продали столицу Татарстана	6,2

14	2020, 24 ноября	«Девушка, ведущая на смерть» разоблачает пропаганду	5,7
15	2020, 13 декабря	Дело раскрыто. Я знаю всех, кто пытался меня убить	26
16	2020, 21 декабря	Я позвонил своему убийце. Он признался	28,7
17	2021, 19 января	Дворец для Путина. История самой большой взятки	117,6
18	2021, 28 января	Речь Алексея Навального в суде 28 января	9,5

Источник: Social Blade

Данные социологических опросов также показывают, что Навальный окончательно становится в этот момент политиком общероссийского масштаба (рисунок 5). Летом 2020 года о нем и его деятельности знали между 70 и 80% опрошенных, а одобряли эту деятельность около 20% (среди молодых возрастов — 25%). Уровень узнаваемости выше 50% из лидеров российской оппозиции имел только Борис Немцов, однако в значительной степени эта узнаваемость была наследием того периода, когда, занимая ключевые позиции в правительстве и политическом истеблишменте, Немцов часто появлялся в телевизоре. Навальный же создал свой общероссийский политический бренд, не имея к телевизору никакого доступа, что само по себе демонстрировало радикальные изменения на информационном и политическом поле.

Рисунок 5. Динамика отношения к Навальному, 2013–2021, % от числа опрошенных

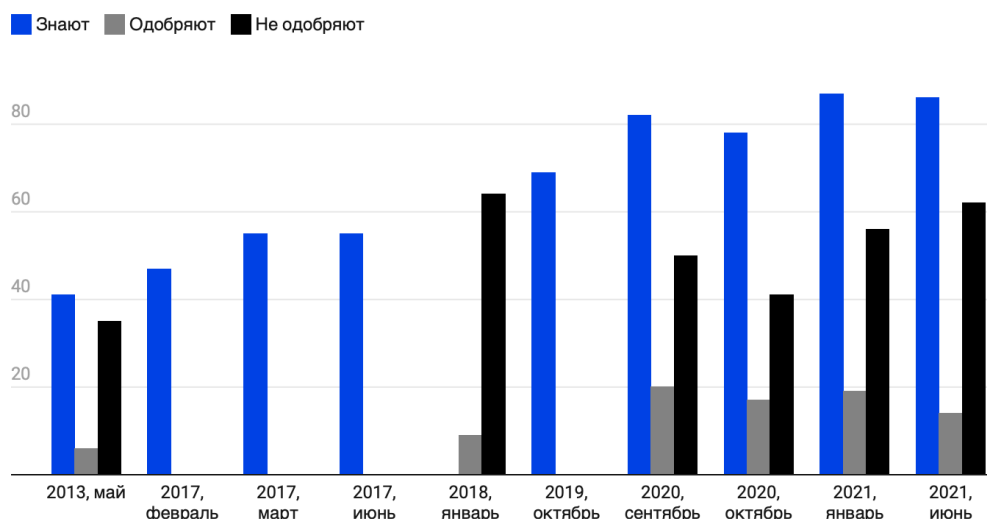


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Выход из «гетто» и новую политическую роль Навального особенно подчеркивают некоторые детали его «карты популярности». Так, в сентябре 2020 года даже среди одобряющих Путина об одобрении Навального заявляли 14% (в октябре 2019-го таких было 4%). Примечательно также, что за два года, с 2018-го по 2020-й, не только в два раза выросла доля

положительных оценок, но также на 20% сократилась доля тех, кто относился к Навальному отрицательно. Казалось бы, этот политический капитал — уровень одобрения около 20% — не выглядит в моменте критическим для режима, но подрывает фундаментальный принцип персоналистского авторитаризма — «заговор отсутствия» любой политической альтернативы. Граждане не должны иметь возможности сравнивать лидера-автократа с кем бы то ни было, только в этом случае его недостатки можно выдавать за преимущества. Появление же альтернативы создает угрозу внезапной перегруппировки симпатий в ситуациях кризисов. И падение отрицательных рейтингов, равно как и проникновение Навального в среду лояльности Путина можно рассматривать как явные указания на возможность такого разворота событий. В широком смысле именно эта новая ситуация и новый статус Навального становятся причиной первого покушения.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА УБИЙСТВА И «РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ»

При том что фактические обстоятельства покушения на Навального в августе 2020 года хорошо известны благодаря международному расследованию (→ [The Insider: Лаборатория](#)), менее понятными остаются его непосредственные поводы. Вполне логично связать покушение с событиями в Беларуси, продемонстрировавшими потенциал протестной мобилизации даже в очень консолидированных авторитарных режимах. Протесты начались сразу после объявления ЦИКом Беларуси победы Лукашенко 9 августа. И в течение следующей недели становится ясно, что у режима не хватает сил, чтобы остановить их. Напротив, протестное ралли разворачивается по сценарию снежного кома: жестокость силовиков в отношении первых и не слишком многочисленных групп протестующих ведет к разрастанию протеста. 16 августа проходит акция, численность которой в Минске оценивается в 200–400 тыс. человек, а по всей Беларуси — в 1 млн человек. Лукашенко готовится к обороне своей резиденции, что казалось невысказанным сценарием еще несколько недель назад. И как раз на вечер 16 августа, согласно данным расследования Bellingcat, приходится первый всплеск переговоров отравителей Навального в Новосибирске.

Однако, как теперь известно, такая картина развития событий является неполной. Дело в том, что первая попытка покушения на Навального была, очевидно, предпринята еще в начале июля 2020 года, более чем за месяц до событий в Беларуси. И эта дата позволяет нам разглядеть еще один важный контекст покушения. Юлия Навальная почувствовала себя необъяснимо плохо 6 июля, а команда отравителей выдвинулась в Калининград 2 и 3 июля, то есть через два дня после объявления итогов голосования о поправках к Конституции. Стоит обратить внимание на еще один факт: практически параллельно, 9 июля, в Хабаровске был арестован губернатор Сергей Фургал. Связь между этими событиями, возможно, является более глубокой, чем может казаться на первый взгляд.

1 июля, перед отлетом в Калининград, Навальный записал и выпустил на своем канале ролик [«Итоги „голосования“. Что делать дальше»](#), в котором призвал своих сторонников сосредоточиться на проекте «Умного голосования» и подробно описал свой план: на региональных выборах в сентябре 2020 года следует голосовать против кандидатов «Единой России», это приведет к утрате «Единой Россией» монопольного контроля над региональными парламентами, а значит, и над избирательными комиссиями. В качестве доказательства эффективности таких действий Навальный привел пример Хабаровского края: после победы Фургала на губернаторских выборах, лишившись рычага фальсификаций, «Единая Россия» потерпела полное поражение на выборах в региональный парламент и даже на голосовании по поправкам фальсификации почти отсутствовали. В случае фальсификации результатов самого «Умного голосования» на региональных выборах Навальный призвал своих сторонников выйти на улицы и не уходить с них.

Многие элементы этого плана выглядели достаточно реалистично. Во-первых, на выборы в региональные парламенты ходит мало реальных избирателей, поэтому даже ограниченная мобилизация граждан в рамках протестного голосования вполне может создать нужный перевес в результатах. Это продемонстрировали и региональные выборы 2018 года, где Кремль и «Единая Россия» потерпели поражение сразу в нескольких регионах (→ [Фонд «Либеральная миссия»: Стресс-тест на пол-России](#)), и выборы в Мосгордуму в 2019-м. Во-вторых, противостояние с демонстрантами сразу в нескольких регионах может представлять гораздо бóльшую техническую и политическую проблему, чем противостояние с митингующими в Москве. Местные силы полиции могут оказаться не так надежны в этой ситуации, а переброска «помощи из Москвы» способна вызвать антимосковскую мобилизацию и усилить сочувствие к протестующим на местах, то есть запустить ту самую вторичную волну мобилизации, усиленную региональным патриотизмом и идиосинкразией к Москве. Ситуацию усугубляла неопределенность экономических последствий весеннего локдауна и продолжающейся пандемии. В этом контексте арест Фургала должен был стать однозначным сигналом региональным элитам, что Кремль не потерпит «хабаровской аномалии» — губернатора, пришедшего к власти вопреки воле Москвы и опирающегося на поддержку «снизу». В конспирологическом сознании Путина Фургал и Навальный, очевидно, уже выглядели как два лидера «революции регионов», взаимодополняющие друг друга различающимися протестными аудиториями. И план расправы с ними, скорее всего, был принят единовременно, сразу после выхода ролика.

Видео с изложением Навальным своего плана набрало более 13 млн просмотров. Более того, на протяжении июля–августа Навальный готовит и выпускает еще целый ряд материалов-расследований, посвященных российским регионам, в которых осенью должны проходить выборы. При этом пять из них набирают более 5 млн просмотров: два посвящены уже протестующему после ареста Фургала Хабаровску, по одному — Новосибирску, Томску и Казани (см. ¶ 9–13 в таблице 2). Для расследований регионального масштаба это невероятные результаты.

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если посмотреть на всю «фильмографию» Навального, то становится ясно, что ролики, посвященные общеполитической и электоральной тематике, набирают обычно гораздо меньше просмотров, чем коррупционные расследования. «Хиты» из таблицы 2 — практически сплошь расследования (исключением является именно ролик от 1 июля 2020 года с изложением плана «осеннего регионального наступления»). То же самое верно, как показано выше, и в отношении потенциала протестной мобилизации: электоральная тематика давала гораздо меньшие масштабы протеста, чем коррупционная (расследование «Недимон»). В своей кампании лета 2020 года Навальный намечает прочную связку между коррупцией и проектом «Умного голосования»: в центре каждого фильма — коррупционное расследование с региональным фокусом, заканчивающееся призывом к протестному голосованию в сентябре и к выходу на улицы по его итогам. Даже фильм, посвященный противостоянию Фургала и Кремля, имеет своей важнейшей сюжетной аркой «секретные терема» полпреда президента в крае Юрия Трутнева. В целом масштаб информационной кампании Навального перед региональными выборами 2020 года выглядит совершенно беспрецедентным — прежде всего в силу накопленного им информационного ресурса на YouTube.

Сентябрьский план Навального, по всей видимости, показался в Кремле опасным еще в начале июля (попытка отравления в Калининграде). А события в Беларуси должны были лишь подогреть эти опасения. Сценарий «арабской весны» являл собой, как известно, политический аваланш, когда протесты, начавшиеся в одной стране региона, представляющего собой общее культурно-языковое пространство, стремительно перекидывались на соседние. Но непосредственным триггером отравления стали не события в Беларуси, а, по всей видимости, осознание нового масштаба информационного и политического влияния Навального и опасности его плана «региональной революции» на фоне тех локальных поражений, которые Кремль нес в некоторых регионах на осенних выборах 2018 и 2019 годов и которые обнажили реалистичность региональной протестной консолидации.

ВОЗВРАЩЕНИЕ: СТАТЬ ПРИМАНКОЙ ДЛЯ ТИРАНА

Так или иначе, второе покушение 20 августа, хотя и сорвало региональную кампанию Навального (протестное голосование особенно не повлияло на исход региональных выборов и не запустило региональные политические кризисы), но запустило кризис, развивавшийся по совсем другой траектории. Уже 2 сентября Германия официально заявила, что Навальный был отравлен боевым ядом семейства «Новичок»; 3 сентября Евросоюз выступил с жестким заявлением, осудившим попытку убийства и возложившим на Кремль ответственность за него, а Навальный стал героем мировой прессы и признанным Западом лидером российской оппозиции.

Тем временем еще в сентябре его YouTube-канал перешагнул отметку в 4 млн подписчиков, а после публикации расследования, установившего личности отравителей, и разговора Навального по телефону с одним из них, число подписчиков подскочило еще на 600 тыс. и приблизилось к 5 млн человек. Сам же фильм-разоблачение, рассказывающий об отравлении, и разговор Навального с Кудрявцевым набрали в совокупности более 50 млн просмотров. В этой ситуации Навальный принял решение возвращаться в Россию, имея на руках фильм о «дворце Путина».

Практически неизбежный арест по прибытии и выход расследования о «главной коррупционной сделке» должны были обеспечить двойной триггер протестов — «символическая несправедливость» (коррупционная сага о дворце) и «несправедливые репрессии» (покушение и предполагаемый арест по возвращении). Иными словами, Навальный сделал из самого себя приманку для Путина, заглотив которую тот должен был столкнуться с главным разоблачением — выходом фильма про дворец. Навальный был задержан 17 января при прохождении пограничного контроля в Шереметьево, а 19 января вышел фильм «Дворец для Путина», который к 23 января набрал около 60 млн просмотров — беспрецедентную аудиторию для неразвлекательного контента в российском YouTube. На 28 января, когда фильм набрал 100 млн просмотров, число уникальных зрителей составляло 33 млн, из которых более 20 млн приходилось на Россию. Согласно опросу «Левада-центра», проведенному 29 января — 2 февраля 2021 года, о просмотре фильма заявили 26% опрошенных, что в проекции на взрослое население страны дает 28 млн человек.

Исходя из этого, можно достаточно обоснованно предполагать в качестве нижней оценки, что к 23 января, первому большому протесту в защиту Навального, российская аудитория фильма составила более 10 млн человек, а к 30 января — не менее 20 млн. Помимо этого подготовка протестов 23 января характеризовалась беспрецедентной активностью в социальных сетях и даже шагнула в «детскую» сеть TikTok, наполнив вирусными клипами в поддержку Навального и протестов.

Несмотря на это, акция 23 января собрала не так много людей, как можно было ожидать. По нашим оценкам, общее число протестующих находилось в диапазоне 100–200 тыс. человек или чуть больше. С одной стороны, это сделало акцию одной из крупнейших в России в XXI веке и сопоставимой с топовыми акциями 2011–2012 годов, а также уникальной по географическому охвату и по численности протестующих за пределами столиц. При этом, в отличие от акций 2011–2012 годов, она находилась под полным запретом и сопровождалась массовой кампанией угроз со стороны властей. В то же время протесты 23 января не вышли за пределы того коридора массовости, который сформировался еще в ходе протестной волны 2011–2012 годов: рядовые крупные митинги собирают 10–30 тыс. участников, а пиковые — 100–200 тыс.

Число протестующих, вышедших 23 января, составляло примерно 2% от аудитории фильма про дворец и примерно 4% от числа подписчиков канала Навального. Нельзя сказать, что рост аудитории Навально-го-блогера не конвертировался в поддержку Навального-политика, но

коэффициенты этой конвертации выглядят достаточно сдержанно: в январе 2021 года у Навального в шесть-семь раз больше подписчиков, чем весной 2017 года, в то время как масштаб протестов превосходит масштаб акции «Недимон» в три-четыре раза. В январе 2018 года, когда у Навального 1,5 млн подписчиков, его деятельность одобряют 9% опрошенных, а в январе 2021-го при 6,5 млн подписчиков — 20%. Эти цифры демонстрируют нелинейность конвертации информационного охвата в политическую поддержку.

По данным январского опроса «Левада-центра», знали о содержании фильма хотя бы приблизительно 68%, 37% от всех опрошенных сочли это содержание достоверным или правдоподобным (половина знавших о фильме), около 12% опрошенных заявили, что их мнение о Путине ухудшилось. При том, что со значительной вероятностью эти цифры занижены (респонденты могли скрывать свое отношение к столь чувствительному вопросу), очевидно, что между знанием о фильме (и даже доверием к его содержанию) и переживанием сильной политической эмоции, которая может стать стимулом выхода на неразрешенный митинг, существует значительный разрыв. Тема коррупции вызывает колоссальный интерес аудитории, как мы знаем из всей истории Навального-блогера, но не переворачивает «картину мира» респондентов и не дает значительного мобилизационного эффекта на фоне возросших рисков участия в протестах.

Эту роль мог бы сыграть второй триггер протеста — «несправедливые репрессии» (отравление и арест Навального по возвращении). И здесь приходится констатировать, что за пределами традиционных групп поддержки оппозиции россияне в большинстве своем не поверили в отравление. Как видно из таблицы 3, доля знающих об отравлении оставалась стабильной с сентября по декабрь 2020 года (76–78%). Это само по себе достаточно странно на фоне новостей октября (когда международная Организация по запрещению химического оружия подтвердила заключение немецких врачей об отравлении Навального «Новичком», а Евросоюз ввел санкции против России) и декабрьского сенсационного расследования журналистского консорциума (когда были вычислены непосредственные исполнители). В сентябре (согласно опросам) лишь 25% доверяли информации, что Навальный был отравлен. И меньшинство из них — 10% от всех опрошенных — возлагали вину за отравление на власти или фигурантов расследований Навального, в то время как около 15%, хотя и верили информации об отравлении, не могли определиться с главной версией его мотивов. В октябре определенность повысилась, а мнения несколько консолидировались и поляризовались. Практически три равных группы — примерно по 20% опрошенных — считали случившееся на борту самолета 1) «инсценировкой», 2) «провокацией Запада» и 3) мстостью властей или фигурантов расследований Навального. Еще одна группа (16%) не могла определиться между этими версиями.

Таблица 3. Отношение к отравлению Навального, 2022, % от числа опрошенных

		Знают, слышали об отравлении	Из них ▼			
				Винят власти	Винят фигурантов рассле- дований	Винят Запад
			8	2	2	14
			Не верят в отравление; считают инсценировкой	Верят, что отравлен		
Сентябрь	77	42	25			
Декабрь	78	24	11	5	15	23
Октябрь	76	19	14	5	18	16

В конце декабря неопределенность в интерпретации произошедшего вновь возрастает: растут доли считающих произошедшее инсценировкой и тех, кто не может определиться с основной версией, а вот доли определившихся (возлагающих ответственность на российские власти и на Запад) немного снижаются. Это происходит непосредственно после разоблачения истории отравления и телефонного разговора Навального с сотрудником ФСБ Кудрявцевым и несмотря на гигантскую аудиторию, которую собрали два посвященных этому видео (☒ 15–16 в таблице 2). Можно предположить, что обывателю показалось, что в расследовании все слишком просто и прозрачно, что противоречило его, пронизанной конспирологическими паттернами, картине мира («Хотели бы убить — убили бы»). В результате, атмосфера конспирологической неопределенности вокруг фигуры самого Навального, в значительной мере подогреваемая Кремлем, не развеялась и была перенесена на историю отравления, заблокировав ее эмоциональное восприятие.

Итак, в истории Навального-блогера и Навального-политика мы видим, с одной стороны, пример того, как новые медиа, и прежде всего видеохостинги, позволяют преодолеть информационную изоляцию и создать общероссийский политический бренд без участия телевизора. С другой стороны — пример того, как этого индивидуального ресурса оказывается недостаточно для того, чтобы опрокинуть «картину мира», сформированную авторитарным информационным мейнстримом. Парадоксальным образом, чудесное спасение Навального начинает работать против него, превращаясь в «обратную» конспирологию, которая гасит протестную эмоцию и позволяет аудитории фильмов Навального не выходить из «зоны комфорта».

ЭФФЕКТ ЛАНЦЕЛОТА: ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ НЕ ПОВЕРИЛИ В ОТРАВЛЕНИЕ

Безусловно, в условиях зрелой автократии важнейшим фактором в принятии решения об участии в протестах является страх полицейского насилия и последующих преследований. Решение о выходе на улицу — это внутренняя борьба между страхом и градусом «возмущения» теми событиями, которые являются поводом протеста («битва между добром и нейтралитетом», по блистательному определению самого Навального). Однако, как было сказано выше, важнейшим сюжетом протестной политики является не только эта борьба и ее исход, но также отношение к ней «публики». Иными словами, критическое значение для судьбы протестной волны имеет отношение к протестам извне — тех, кто в них не участвует. Это отношение определяет в большой степени, может ли режим применить к протестующим насилие и как оно будет воспринято.

С июля 2020 по апрель 2021 года полстеры имели редкую возможность оценить отношение россиян к участникам сразу трех протестных волн — хабаровской в защиту Фургала, белорусской и «навальновской». В отношении протестов в Хабаровске количество сочувствующих протестующим в трех волнах всероссийского опроса почти втрое превышало число тех, кто осуждал их. Однако в отношении белорусских протестов и протестов в поддержку Навального ситуация была обратной: о своем отрицательном отношении к протестующим заявляли вдвое больше опрошенных, чем выразивших им поддержку (см. рисунок 6). Вопрос — почему?

(Как уже приходилось неоднократно писать, социологическая выборка в условиях автократии и растущего риска репрессий может иметь значимое смещение: люди, критически относящиеся к режиму, но ощущающие эту позицию как маргинальную или рискованную, могут чаще отказываться от участия в опросе. Возможно, в некотором идеальном замере сторонников Навального оказалось бы несколько больше; вместе с тем имеющаяся выборка остается вполне репрезентативным срезом общества, отражает палитру мнений и их динамику.)

Рисунок 6. Отношение к участникам протеста в Хабаровске, Беларуси и России, январь–апрель 2021 года, % от числа опрошенных

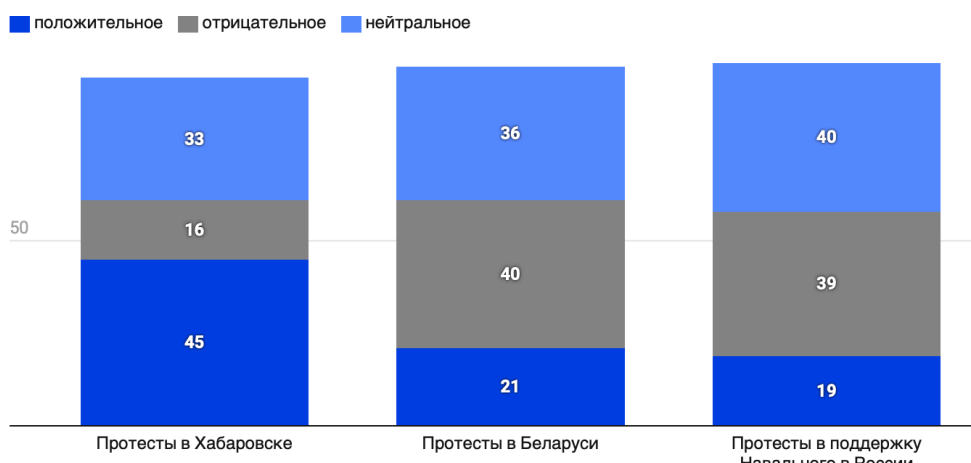


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Как видно на рисунке 7, структура поддержки протестующих в разрезе социально-демографических групп, групп с разными источниками информации и политическими установками (уровнем лояльности) для всех трех протестных волн очень похожа. Серые и красные столбцы (хабаровские и «навальновские» протесты) почти синхронно повторяют колебания в уровне поддержки, но в случае хабаровских протестов они в среднем на 26 процентных пунктов выше. Наиболее существенные различия в разрезе групп (то есть случаи, когда разница отклоняется от средних 26 пунктов) суммированы в таблице 4.

Рисунок 7. Поддержка протестующих в Хабаровске, Беларуси и в поддержку Навального в социально-демографических группах, группах с разными источниками информации и политическими установками, % от числа опрошенных

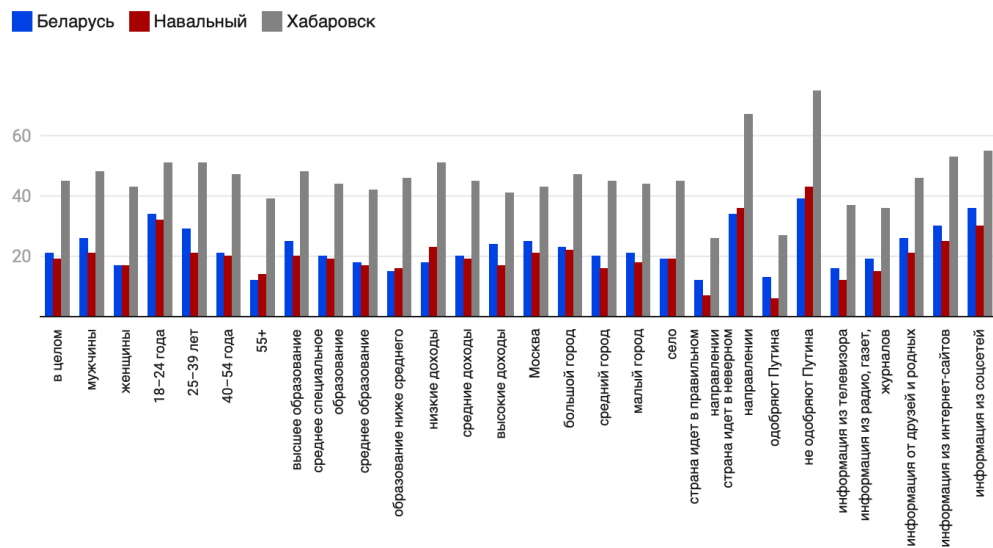


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Таблица 4. Наиболее значимые различия в поддержке участников хабаровских и «навальновских» протестов в разных группах

	В целом	18–24 года	25–39 лет	Считают, что дела в стране идут в правильном направлении	Считают, что страна движется по неверному пути	Одобряют Путина
Доля группы в опросе, %	100	8	30	45	41	65
Поддерживают хабаровские протесты, %	45	51	51	26	67	27
Поддерживают «навальновские» протесты, %	19	32	21	7	36	6
Разница в поддержке, процентные пункты	26	19	30	19	31	21

Таблица: Re: Russia Источник: Левада-центр

Незначимыми оказываются различия в источниках информации, то есть различие источников ведет к синхронному росту или снижению поддержки в обоих случаях. С другой стороны, неожиданно сильным выглядит падение поддержки «навальновских» протестов в возрастной группе 25–39 лет (обычно она близка к самой молодой группе, 18–24 года, потому что имеет схожую структуру источников информации). Но главная разница заметна в группах, различающихся своими политическими установками, то есть уровнем лояльности режиму. Среди лояльных групп (одобряющие Путина и считающие, что дела в стране идут в правильном направлении) участники протестов в поддержку Навального пользуются минимальной поддержкой (6–7%), а вот протестующих в Хабаровске поддерживает, как минимум, каждый четвертый из «лоялистов» (26–27%). В то же время среди нелояльных групп (не одобряющие Путина и считающие, что события ведут страну в тупик) повестку «навальновских» митингов поддерживают около 40%, а «хабаровскую повестку» — около 70%. Иными словами, «повестка Навального» захватывает не всех недовольных, но лишь 40% наиболее радикальной их части, а с другой стороны, у не менее четверти лояльных респондентов повестка хабаровских протестов все же вызывает сочувствие. Хабаровский протест в глазах респондентов выглядит более «законным», а протест Навального — слишком радикальным.

Исследователи, анализировавшие механизмы эскалации протестов в связи с попыткой сноса парка Гези в Стамбуле в 2013 году, пришли к следующему пониманию механизмов их нарастания. Сначала защищать парк вышло совсем немного активистов, однако жестокость полиции, применившей к ним силу, возмутила людей, принадлежащих к различным партийно-идеологическим группам. В их глазах повод протеста выглядел совершенно «невинным», то есть легитимным, а полицейское насилие неоправданным и нелегитимным; в результате, разные группы недовольных оказались солидарны в поддержке кучки протестующих и вышли на улицы, чего, скорее всего, не произошло бы, если бы первоначальная повестка в большей степени отражала «партийные» повестки одной из этих групп (→ [Defne Över, Basak Taraktaş: When Does Repression Trigger Mass Protest?](#))

Протесты и направленное против них полицейское насилие вызывают сочувствие обывателя (медианного избирателя), если их повод, с его точки зрения, является «легитимным», невинным в рамках принятых правил игры, то есть они выглядят как жертва. В этом случае полицейское насилие воспринимается как нападение на признанные границы автономии общества, как ущемление его права на «законное» выражение недовольства. Такой сдвиг поводов к насилию выглядит для обывателя «нелегитимным» и понуждает его к действительному сочувствию. Однако в «деле Навального» ситуация для обывателя (медианного избирателя) выглядела иначе. Она выглядела как сознательная радикализация со стороны Навального, вернувшегося, несмотря на неминуемый арест, «в пасть дракона», да еще с фильмом о Путине. Такая радикализация выглядела бы, вероятно, в глазах обывателя более легитимной, если бы он «поверил» в отравление и возлагал ответственность за него на власти.

Как представляется, негативное отношение «публики» к «навальновским» и белорусским протестам и сочувственное отношение к хабаровским, более умеренным в своих повестках («верните нашего губернатора»), связано с неприятием рисков прямой конфронтации с режимом. Этот мотив играл ключевую роль и в «блокировании» шокирующей версии отравления, доказательства которой были представлены международным консорциумом, и в переадресации ответственности за «радикализацию» ситуации самому Навальному («Нечего было возвращаться»), который оказался в положении шварцевского Ланцелота, осуждаемого жителями города за намерение освободить их от дракона.

Таким образом, можно сказать, что в то время, как протесты в поддержку Навального одобряли нелояльные контингенты, потенциально готовые к конфронтации с режимом, хабаровские протесты одобряли также нелояльные контингенты, не готовые к прямой конфронтации, и часть лояльных контингентов, считающих, однако, выступления хабаровчан в защиту популярного губернатора вполне легитимными.

Если максимально упростить, то можно сказать так: на фоне рисков прямой конфронтации с режимом, обывателю было проще не поверить в ту степень злодейства Путина, на которую указывало расследование и которая принуждала бы обывателя к выходу на улицу в защиту «добра», и приписать обострение конфликта радикализму самого Навального, отправившегося в пасть к дракону. Нейтралитет победил.

Как представляется, этот анализ имеет непосредственное отношение к событиям последних дней и к вопросу о том, как будет сегодня воспринято российской публикой убийство Навального в тюрьме «Полярный волк». Как правило, после политических убийств Кремль вбрасывает в публичное пространство несколько версий случившегося, подчеркивая при этом отсутствие у Путина острой «необходимости» убивать оппонента. Разноголосица версий и конспирологический карго-культ («Все не так, как кажется») оставляют для обывателя удобную дверь неверия, позволяя остаться в зоне комфорта. В то же время по сравнению с 2020 годом образ Путина в сознании обывателя проделал значительную эволюцию. Даже на фоне пролонгации своих полномочий путем поправок к Конституции в 2020 году он оставался в зоне гражданской автократии и системной (относительно легитимной, в глазах обывателя) коррупции. Сегодня этот образ сместился в зону опасности и коварства, а смерть Навального оказывается в резонансе со смертью Пригожина, в отношении которой власти даже не потрудились представить обывателю правдоподобную версию.

Так или иначе, Алексей Навальный был ключевой фигурой противостояния в российской политике и российском обществе, продолжавшегося больше десяти лет. Это противостояние включало в себя две протестные волны 2011–2012 и 2018–2021 годов, совпадавшие с периодами падения доверия к Владимиру Путину и его режиму (рисунок 9). Эти волны во многом определили эволюцию путинского режима на протяжении этого десятилетия. При этом ответом на каждую волну были не только ужесточение режима и рост его репрессивности, но и организация встречной

мобилизации под знаменами государственного национализма, триггером которой всякий раз — в 2014 и в 2022 годах — становилось нападение на Украину. Обе протестные волны потерпели поражение, а Алексей Навальный убит в заключении.

Рисунок 8. Рейтинг доверия Владимиру Путину и динамика политического противостояния 2010-х годов, % от числа опрошенных

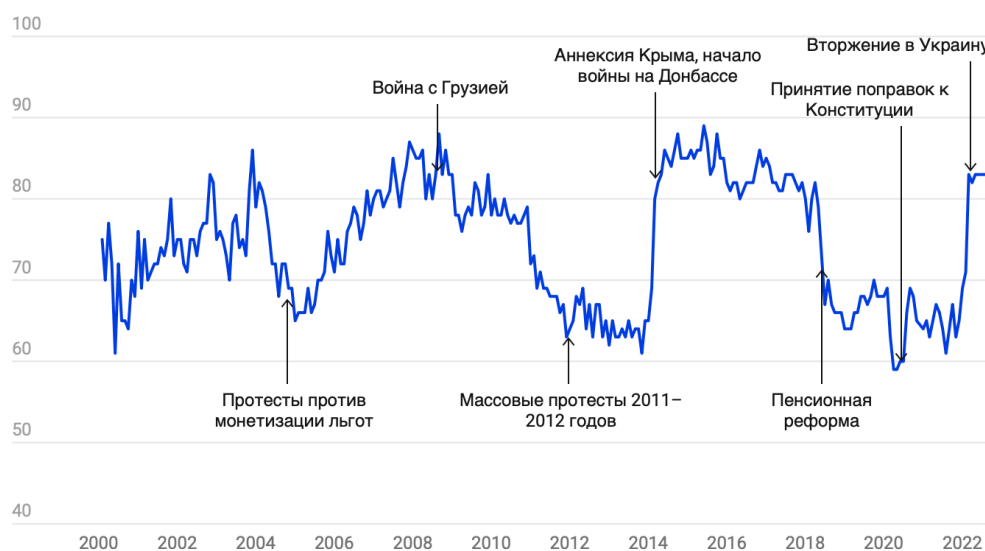


График: Re: Russia Источник: Левада-центр

Однако феномен Навального складывается не только из его незаурядных качеств политического лидера, но прежде всего из той совокупности ожиданий и устремлений, которые он сфокусировал в себе и добровольным заложником которых он стал. Эти ожидания в свою очередь опираются на социальный капитал части постсоветских поколений российских граждан. Развязанная Путиным война против Украины имеет своей целью подрвать и уничтожить этот капитал.

История политики протеста — центральной фигурой и идеологом которой в России стал Алексей Навальный — знает немало примеров противостояний, продолжавшихся в разных странах десятилетиями, то затухая (после волны репрессий), то разгораясь вновь. Достаточно вспомнить противостояние рабочего и студенческого движения коммунистическому режиму в Польше (1970–1990) или в чем-то даже более актуальное для современного российского контекста противостояние демократического студенчества и военно-персоналистского режима в Южной Корее с начала 1970-х до начала 1990-х годов, завершившееся мирным транзитом и становлением достаточно устойчивого демократического режима. Впрочем, эти исторические аналогии являются, как все аналогии, не инструментом прогноза, но лишь указанием на спектр возможных сценариев.